

Стражники его игнорировали. Слуги не поднимали взгляда. Лишь оказавшись в кабинете отца, Брандон осознал всю серьезность содеянного. С перебинтованной рукой, он брел по коридорам Винтерфелла, своего дома, чувствуя себя чужим в родных стенах. Случившееся всё ещё казалось нереальным. Нарушить права гостя... нет преступления тяжелее, разве что убийство родичей. Даже самые дикие одичалые чтит законы гостеприимства. Очевидно, это оказалось непосильной задачей для наследника Винтерфелла.

Он направился в солярь отца, ориентируясь на звон цепи мастера. Мелькнула шальная мысль развернуться, выйти из замка, сбежать в лес и сгинуть там потихому от холода и зверя, избавив семью от проблем, но ноги сами привели его к кабинету.

Подождав, пока мастер доложит об их прибытии, Брандон вошел внутрь. Первым, кого он увидел, был последний человек, которого надеялся там застать.

— Лорд Брандон. — Произнес Охотник с прежним спокойным весельем в голосе. — Как ваши руки?

— Растяжение, но не переломы. — После паузы он добавил: — Милорд.

Слова дались ему с трудом, но гость будто не заметил этого.

— Рад слышать. В ближайшие дни мы будем часто видеться. Вы заплатили тому стражнику за его меч?

Внезапная новость, а затем резкая смена темы и вопрос, застали Брандона врасплох. Открыв рот, он закрыл его и молча покачал головой.

— Тогда моя следующая цель ясна. — Констатировал Охотник и, как и прежде, склонил голову перед мастером, который ответил глубоким поклоном. Прежде чем уйти, он напоследок дал совет: — Брандон, впредь воздержитесь от дурных слов об Иветте. Подобные речи невольно заставляют усомниться в роли вашего отца в вашем воспитании.

За сим, Сирил Фэрчайлд удалился. Выдохнув, Брандон открыл дверь кабинета и вошел внутрь, — Мастер Лювин не последовал за ним, — остановившись посередине комнаты, склонив голову.

— Ты знаешь, что натворил. — Раздался голос отца.

Брандон едва не вздрогнул. Это был не просто голос его отца, а голос лорда Рикарда Старка, сурово вершившего правосудие над нарушителями законов богов и людей.

— Мне нужно знать причину.

Брандон смотрел в пол, не в силах произнести ни слова.

— Посмотри на меня.

Сжав зубы, он с трудом поднял голову. За столом восседал его отец, лицо и брови которого были омрачены глубокими складками и тенями. Брандон не видел его таким изможденным со дня смерти их матери, когда тот просидел с ней до последнего вздоха, утешая его с Недом, а затем вернулся в Большой зал, дабы продолжить исполнять свой долг Хранителя Севера.

В этот раз, отца довела до такого состояния не болезнь и смерть близкого человека, и не суровая, долгая зима.

Он. Брандон стал виновником.

— Никогда прежде право гостя не нарушалось в Винтерфелле. Никогда мы, Старки, не предавали эту самую священную из клятв. Никогда.

Взгляд отца был полон гнева.

— Почему ты опозорил нас?

На этот вопрос Брандон не имел точного ответа. Разозлился ли он из-за поражения? Без сомнения. Привела ли его в ещё большую ярость насмешка Охотника? Конечно. Однако отнюдь не гнев стал тем, что толкнуло его на предательство.

— Когда он помог мне подняться и отвернулся... — Слова давались нелегко; он пытался собрать мысли воедино и сплести из них понятное полотно слов. — Я увидел открытую спину и подумал... решил, что это мой единственный шанс остановить его.

— Остановить? — Голос отца стал резким и холодным.

— Не убить. — Брандон взглядом умолял отца поверить ему, и был готов покляться пред чардревом, что не лжёт, если, конечно, Старые Боги не побрезговали бы клятвой такого человека, как он. — Только остановить.

Отец вглядывался в его лицо в поисках лжи. То, что Рикард сомневался в нём, а также то, что он вообще дал серьёзный повод сомневаться в себе... в его жилах стыда было больше, чем крови.

Он слышал тяжёлый, какой-то обречённый вздох.

— На что ты надеялся? От чего ты хотел его остановить?

— От чего угодно. — Выдавил Брандон. — Возможно, от всего. Всего, что он захочет сделать.

Слова лились потоком, и Брандон молился, чтобы в них была хоть крупица смысла.

— Я смотрел ему в спину и понимал, что если не остановлю прямо сейчас, то уже никто и никогда не сможет. Не знаю, к худу это или к добру. В тот миг, это не имело значения. Я просто почувствовал, что если не смогу его остановить, то он будет делать всё что пожелает, а нам останется лишь смиренно наблюдать.

Он пытался подобрать слова, но тщетно — объяснить не выходит.

— Его движения, бой, взгляд после... Отец, ни один мужчина не должен обладать такой силой.

Брандон взглянул на отца, с безмолвной мольбой: «пойми»; не «прости». Просить прощения он не смел. Долгое время Рикард Старк молчал. Тишина давила, а взгляд отца стал усталым.

— Лорд Фэрчайлд сказал, что ты сражался за свою жизнь. — Констатировал он, и, не получив ответа, задал не менее важный вопрос: — Зачем ты вообще бросил ему вызов?

Брандон собрался с волей.

— Я хотел помочь. Видел, что он делает с тобой, отец. Вы оставались здесь каждую ночь последнего лунного оборота, жгли столько свечей, что запах дыма доносился до наших покоев и залов. Каждое утро ты приходил более изможденным, чем в самый тёмный зимний день. Всё из-за того, что этот человек вторгся на Север, в наш дом. Я думал, что если одолею его во дворе, то остальные перестанут думать о нем, и тебе станет легче.

Он надеялся, что победа в поединке позволит отцу вести переговоры с позиции силы. Вместо этого ему пришлось сражаться за жизнь. Лорд Старк поднялся и встал перед сыном. Брандон знал — он высок и широк для своих лет, но рядом с отцом чувствовал себя ребенком.

— Глупый мальчишка. — Прозвучал низкий голос. — Какой отец, достойный этого звания, пошлет детей сражаться вместо себя? Пусть то на поле боя или на политической арене.

Брандон опустил голову, не зная, что еще может сделать или сказать.

— И не тебе было унижать человека, взрослого, обученного и знатного. — Вздыхнул отец, окончательно потерявший запал. — А мне не следовало давать тебе даже шанса этого сделать.

Брандон вздрогнул. Отец пытался разделить вину за его преступления.

«Боги, только не это!»

— Отец...

Крепкие мозолистые руки сжали его плечи.

— Он мог убить тебя.

Голос Рикарда дрогнул, отчего Брандону стало ещё хуже. В глубине души он боялся Охотника. Но видеть отца слабым, зная, что виноват в проявлении этой слабости он... это вызывало не страх, а глубокое разочарования в самом себе.

— Он мог убить тебя, и был бы в своём праве. Что бы ты тогда велел мне делать?

Брандон молчал.

— Я бы убил его. Не смог бы поступить иначе. Честь и справедливость Старков были бы прокляты.

«Север был бы проклят» — Эти слова повисли невысказанными.

— Ты, твои братья и Лианна — всё, что у меня осталось. Если с тобой что-то случится, что я скажу при встрече с твоей матерью?

Отец и сын стояли молча.

— Меня изгонят?

— Нет, но ты будешь наказан, и лорд Фэрчайлд, которого ты оскорбил, лично позаботится о твоём наказании.

Будь это любой другой проступок, Брандон бы запротестовал. Волк в его крови завыл бы в знак протеста. Но что в этот раз оспаривать? Он не мог напасть на человека, который не является их врагом, а отец отчётливо дал понять, что Охотник таковым не является: он не потребовал его жизни и даже не попытался взыскать у Севера денежную компенсацию. Брандон понимал, что это намного больше, чем он вообще заслуживает.

Он послушно кивнул, соглашаясь с суждением и волей отца. Он опозорил свою семью. Что бы ни случилось, он не сделает этого снова.

<http://tl.rulate.ru/book/91537/3191587>